

Средства объективации диалогичности в произведении Н.С. Лескова «Маленькая ошибка»

Аннотация. В статье дается определение категории диалогичности как одной из базовых текстовых категорий. Автор рассматривает особенности ее репрезентации в художественных текстах на материале произведения Н.С. Лескова «Маленькая ошибка». Данная категория реализуется посредством взаимодействия образов автора и адресата. Образ автора в рассматриваемом произведении сложен: текст начинает личный повествователь, который затем «передает слово» рассказчику. Образ адресата также эксплицирован в произведении сочетанием *благоразумная компания*. Все произведение построено как диалог указанной компании, а само повествование рассказчика, непосредственно воспринимаемое современным читателем, лишь фрагмент этого диалога. Также в работе описываются средства выражения диалогичности. В их числе цитация, косвенная речь, сноски, взаимодействие смысловых позиций автора и читателя с помощью риторических вопросов и т.д.

Ключевые слова: текстовая категория, диалогичность, образ автора, образ адресата, субъективность, содержательно-концептуальная информация, содержательно-фактуальная информация.

J.L.Dmutrieva

Means of objectification of dialogicality in the work of N. S. Leskov «A small mistake»

Annotation. The article defines the category of dialogicality as one of the basic text categories. The author considers the peculiarities of its representation in literary texts based on the material of the work of N. S. Leskov «A small mistake». This category is implemented through the interaction of the images of the author and the addressee. The image of the author in the work under consideration is complex: the text begins with a personal narrator, who then «passes the word» to the narrator. The image of the addressee is also explicated in the work by the combination prudent company. The entire work is constructed as a dialogue of the specified company and the narrator's narrative itself, directly perceived by the modern reader, is only a fragment of this dialogue. The paper also describes three basic functions of the means of expressing dialogicality. These include citation, indirect speech, footnotes, interaction of semantic positions of the author and the reader with the help of rhetorical questions, etc.

Key words: text category, dialogicity, image of the author, image of the addressee, subjectivity, content-conceptual information, content-factual information.

Актуальность исследования обуславливается необходимостью системного описания средств объективации глобальной семантической категории диалогичности в одном из произведений Н.С. Лескова.

Одним из первых в отечественной филологии рассматривал категорию диалогичности в монологической речи М.М. Бахтин. Ученый трактовал ее как апеллирование текста к адресату, т.е. прогнозирование автором реакции на написанное потенциальным читателем. В стилистике категория диалогичности определяется как «одна из разновидностей текстовых категорий, представляющих собой систему разноуровневых языковых средств (включая текстовые), объединенных на текстовой плоскости общей

функцией выражения диалогичности» [8, с. 130]. Эта категория свойственна текстам всех стилей, однако лучше всего изучены особенности ее репрезентации в художественных текстах.

Цель работы – описание средств экспликации категории диалогичности в произведении «Маленькая ошибка» Н.С. Лескова.

Отметим, что Н.С. Болотнова диалогичность рассматривает «в качестве глобальной текстовой категории» [2, с. 163], которая реализуется в категориях субъектности и адресатности, т.е. связана с образами автора и адресанта. Кроме того, данная категория, согласно концепции И.Р. Гальперина, соотносится с единицами контекстно-вариативного типа членения текста, раскрывающими его содержательно-концептуальную информацию.

Образ автора в лингвистике и стилистике текста рассматривается как основная категория текстообразования. Это, с одной стороны, реальное лицо (Н.С. Лесков), а с другой – художественный образ. «Среди различных форм проявления автора, – пишет Н.С. Болотнова, – можно назвать известные в научной литературе типы повествователей: объективный повествователь (от 3-го лица); личный повествователь (от 1-го лица), неконкретизированный; рассказчик – носитель речи открыто организующий весь текст своей личностью» [2, с. 314]. Так, в произведении «Маленькая ошибка» образ автора сложен и организован на нескольких уровнях. Это и личный повествователь, вводящий читателя в ситуацию с указанием времени, места, участников и называющий рассказчика. Ср.: *Вечером, на святках, сидя в одной благообразной компании, было говорено о вере и неверии* [5, с. 439]; *И случился тут же некто, степенный московский человек, который сказал следующее* [Там же]; *И после такого вступления он рассказал нам любопытную повесть, которую я постараюсь передать его же словами* [Там же]; *Дядюшка и тетушка мои одинаково принадлежали покойному чудотворцу Ивану Яковлевичу* [Там же].

Образ автора эксплицируется рядом лексических и грамматических средств, а именно: «местоимениями (я, ты, этот), наречиями (здесь, сейчас, тут, там), частицами (вон, тот), а также показателями субъективной модальности (по В.В. Виноградову) – вводными словами, высказываниями, модальными словами и др., которые подразумевают говорящего» [8, с. 14]. Так, в анализируемом тексте образ автора эксплицирован личными местоимениями *я*, *он*, притяжательными местоимениями *мои*, *его*, именем существительным *человек*. Кроме того, о личности и мировоззрении автора свидетельствует зачин повествования (ср.: *Нелегко это, господа, судить о том: кто живет с верою, а который не верует, ибо разные тому в жизни бывают прилоги; случается, что разум-то наш в таковых случаях впадает в ошибки* [5, с. 439]).

Согласно И.Р. Гальперину, образ автора реализуется в тексте также с помощью речи автора, под которой в лингвистике понимают «внутритекстовое воплощение автора (образа автора), ответственного за сказанное им» [8, с. 13]. Данный термин функционирует преимущественно при анализе художественных произведений. Так, в теории литературы он коррелирует с терминосочетаниями *образ повествователя* и *образ автора*. Ср.: «Образ повествователя, образ автора – носитель авторской (т.е. не связанной с речью какого-либо персонажа) речи в прозаическом произведении» [7, с. 248]. Однако Л. Тимофеев указывает на то, что термины *авторская речь* и *образ автора* «представляются менее точными» [Там же, с. 249], т.к. «образ повествователя не совпадает непосредственно с позицией автора, который обычно ведет повествование, избрав определенный художественный угол зрения на события» [Там же].

Рассматриваемая форма речетворческого акта характерна для субъективной структуры текста, в которой образ автора (повествователя) противопоставлен образам героев произведения [8, с. 13]. К числу субъективных факторов текстообразования в эстетической сфере автора, его личность и мировоззрение относит и Н.С. Болотнова. Сам образ автора исследователь трактует как репрезентант категории субъективности. Ср.: «Категорию субъектности реализуют: автор – реальное лицо, образ автора – глобальная категория, синтезирующая, по мысли В.В. Виноградова, все элементы структуры текста и

отражающая так или иначе авторскую личность; повествователь; лирический герой; персонаж – как формы выражения образа автора, который проявляет себя в динамике речевых стилей и в композиции» [2, с. 165].

И.Р. Гальперин выделяет несколько видов речи автора. В их числе повествование, описание объектов и реалий, рассуждения автора [3, с. 53]. Ср.: *Тетушка думала-подумала, да и послала живописцу вино с самой Катечкой. Та взошла с подносом, вся в слезах, а он вскочил, схватил ее за обе ручки и сам заплакал* [5, с. 443]; *А он был ужасный чертыханистик, и все с присловьями, точно скоромох с Пресни* [Там же, с. 441]; *Речь шла, впрочем, не в смысле высших вопросов деизма или материализма, а в смысле веры в людей, одаренных особыми силами предведения и прорицания, а пожалуй, даже и своего рода чудотворства* [Там же, с. 439].

Однако О.Н. Емельянова отмечает, что «более всего автор проявляется в рамочных компонентах текста (заглавии, эпиграфе, начале и концовке текста, псевдониме), а также в метатексте, составляющем целое с основным текстом и включающем посвящения, авторские примечания и ремарки, предисловия, послесловия, отступления и под.» [8, с. 13–14]. Так, одним из рамочных компонентов можно квалифицировать уточнение названия произведения «Маленькая ошибка», а именно *Секрет одной московской фамилии* [5, с. 439].

В тексте речь автора противопоставляется чужой речи, т.е. речи третьих лиц, которая апеллирует к адресату текста. Автор учебного пособия «Филологический анализ текста» адресованность трактует не только как собирательный образ объекта, на который ориентирован продуцируемый текст, но и как художественный образ персонажа-адресата. Так, в тексте есть указание и на образ персонажа-адресата. Его называет личный повествователь в самом начале текста: *Вечером, на святках, сидя в одной благообразной компании, было говорено о вере и неверии* [5, с. 439]. Однако далее автор только обращается к собравшимся, не описывая ни род деятельности собравшихся, ни их социальный статус.

Собирательный образ адресата – это читатели произведения Н.С. Лескова, т.е. как его современники, так и потомки. Переключаясь с описания или повествования на диалог, согласно концепции И.Р. Гальперина, автор вовлекает читателя в действие. «Беседа двух персонажей невольно втягивает читателя в обмен репликами, заставляет внутренне слышать речь персонажей, чем значительно повышает его эмоциональное напряжение» [3, с. 64]. Исследователь отмечает, что диалог опосредованно обращен и к объекту, воспринимаемому текст. Кроме того, лингвист указывает на различия диалога и монолога. Если в монологе адресат наблюдает за ходом событий отстраненно, то диалог включает его в описываемую ситуацию, в речевое действие. Ср.: *Тетушка пальцы кусает и плачет, а сама говорит:*

– Ну... уж как ни в чем?
– Разумеется, ни в чем. Это ваш чудотворец все напутал, с него и взыскивайте.
– Какое же с него взыскание! Он праведник.
– Ну, а если праведник, так и молчите. Пришлите мне с Катей три бутылки шампанского вина [5, с. 443].

Исследователи выделяют три базовые функции средств выражения диалогичности: 1) репрезентация плана речи «третьих» лиц; 2) указание на особенности взаимодействия смысловых позиций автора и адресанта; 3) экспликация автодиалогичности; 4) побуждение [8, с. 130–139].

Функция репрезентации плана речи «третьих» лиц (1) эксплицируется следующими средствами:

- цитацией. Так, основная часть текста Н.С. Лескова оформлена как цитата слов рассказчика «секрета». Ср.: *«Дядюшка и тетушка мои одинаково принадлежат покойному чудотворцу Ивану Яковлевичу. Особенно тетушка, – никакого дела не начинала, у него не спросившись. <...> Так Ивана Яковлевича маленькую ошибку и*

прикрыли. И оставалось все это в благополучной тайности, и к младшей сестре женихи пошли, потому что видят – девицы надежные» [5, с. 439, 446];

- косвенной речью. Ср.: *Его подсказчицы перевели тетке, что батюшка велит, говорят, вашему зятю, чтобы он богу молился, а он, должно быть, у вас малoverующий* [Там же, с. 440]; *Там ее успокоят, – говорят, что дело идет хорошо: батюшка всякий день записку читает, и что теперь о чем написано, то скоро сбудется* [Там же, с. 441];
- ссылками и сносками. Н.С. Лесков, вводя в текст произведения имя чудотворца Ивана Яковлевича, использует сноску для конкретизации информации о прототипе персонажа. Ср.: *Корейша И.Я. (1780–1861) – «провидец», душевнобольной, проведший много лет в больнице для нервнобольных* [Там же, с. 439].

Взаимодействие смысловых позиций автора и адресата (2) объективируется в текстах рядом лексических и синтаксических средств. Так, отношения противопоставления выражаются соответствующими вводными словами, противительными союзами, отрицательными конструкциями и отрицательно-оценочными вербальными знаками. Согласие позиций эксплицируется соответствующими вводными словами, предложениями *в соответствии с, согласно*, лексемами *верно, справедливо* и т.п. Наконец, альтернативность позиций объективируется разделительными союзами.

Отметим, что в произведении «Маленькая ошибка» взаимодействие смысловых позиций автора и адресата выражается с помощью обращения к последнему. Текст построен как некая притча, которая рассказывается конкретным слушателем. Так, в предложении *Вдруг сбылось, да такое, что и сказать неохотно* [5, с. 441] выделенная конструкция обращена к адресатам повествования. Также автор использует риторические вопросы, которые нацелены на взаимодействие с аудиторией, ее сопереживание описываемым событиям. Ср.: *Что вы думаете?* [Там же, с. 442];

Автодиалогичность (3) выражается с помощью вопросно-ответных комплексов и сложноподчиненных предложений с придаточным условия. Функция побуждения (4) реализуется в тексте с помощью конструкций «модальное слово + инфинитив». Однако в анализируемом тексте такие конструкции не зафиксированы, поскольку он уже построен как часть диалога о вере, о котором адресатам сообщается в начале повествования.

Категория диалогичности также репрезентирована несобственно-прямой речью, которая трактуется как «стилистический прием соединения в одно целое авторского повествования и речи персонажей, широко распространенный в художественной литературе» [6, с. 267]. Она не имеет особых синтаксических характеристик. По оформлению – соотносится с речью автора. Как отмечено в энциклопедическом словаре «Русский язык» несобственно-прямая речь может быть выявлена лишь при сравнении с прямой и косвенной речью. «Ср.: *Он вышел на улицу, посмотрел на небо и сказал: «Какие яркие звезды! Вероятно, мороз станет еще сильнее»* (прямая речь); *Он вышел на улицу, посмотрел на небо и сказал, что звезды очень яркие и мороз, вероятно, станет еще сильнее* (косвенная речь); *Он вышел на улицу, посмотрел на небо. Какие яркие звезды! Вероятно, мороз станет еще сильнее* (Несобственно-прямая речь)» [Там же]. Так, в произведении Н.С. Лескова данный стилистический прием используется при передаче состояния одного из персонажей – тетушки рассказчика. Ср.: *Тетушка так и ахнула: все, говорит, ему явлено!* [Лесков, с. 440]; *Тетушка говорит: что тебе – кто обидел?* [Там же, с. 441].

Отметим, что Т.В. Жеребило, рассматривая категорию диалогичности как свойство текста, «основанное на том, что за каждым текстом стоят языковые личности автора и адресата» [4, с. 10], отмечает ее тесную связь с интерпретацией текста. Данный процесс исследователь также квалифицирует как диалог автора с читателем. Кроме того, указывается на то, что интерпретация художественного текста неоднозначна и зависит во многом от личности адресата. «Вступая в диалог с текстом, интерпретатор приобщается к информативно-смысловому и прагматическому уровням текста, формируя ответную реакцию» [Там же].

Т.В. Жеребило выделяет три ступени взаимодействия читателя с текстом. Во-первых, это умение видеть его поверхностный смысл, отражающий содержательно-фактуальную информацию. И.Р. Гальперин трактует данный тип как знание о «фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших, которые будут происходить в окружающем нас мире, действительном или воображаемом» [3, с. 27]. Ученый отмечает, что рассматриваемый тип информации свойственен научным и публицистическим текстам, однако и в художественных произведениях он есть. Как правило, содержательно-фактуальная информация выражена языковыми единицами, которые употребляются в прямых значениях. Так, в произведении «Маленькая ошибка» автор излагает ряд фактов: вера дядюшки и тетушки в силу чудотворца, их просьба к нему, беременность средней дочери Катерины, выход, предложенный живописцем – мужем старшей дочери Капитолины.

Во-вторых, это способность адресата судить о глубинном смысле, т.е. восприятие содержательно-концептуальной информации текста. Отметим, что это «индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия» [3, с. 28]. Рассматриваемый тип извлекается только из всего произведения, однако и для него характерен субъективизм, поскольку это «творческое переосмысление указанных отношений, фактов, событий, процессов, происходящих в обществе и представленных писателем в созданном им воображаемом мире» [Там же]. Содержательно-концептуальная информация не всегда четко выражена, что обуславливает различные толкования. Так, в произведении «Маленькая ошибка» данная информация может трактоваться и как сокрытие семьей ошибки чудотворца, чтобы показать силу своей веры и не нарушить запреты (Ср.: *Какое же с него зыскание! Он праведник* [5, с. 443]); и как сокрытие не соответствующего нормам морали поведения средней дочери дядюшки и тетушки, людей «не богатых, но достаточных» [5, с. 440].

Наконец, в-третьих, это наличие пресуппозиции, т.е. истинных фактов, которые не подвергаются отрицанию.

Таким образом, категория диалогичности является одной из текстообразующих категорий произведения «Маленькая ошибка» Н.С. Лескова. В рассматриваемом тексте она объективируется как лексическими, так и синтаксическими конструкциями, выражающими представление об образах автора, адресата, о персонажах произведения и вовлекающих читателя в процесс интерпретации текста.

Литература:

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 428-473.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта, 2016. 520 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
4. Жеребило Т.В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: Словарь-справочник. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. 108 с.
5. Лесков Н.С. Маленькая ошибка // Лесков Н.С. Повести и рассказы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. сс. 439-446.
6. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. 703 с.
7. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 514 с.

8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной; члены редкол.: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с